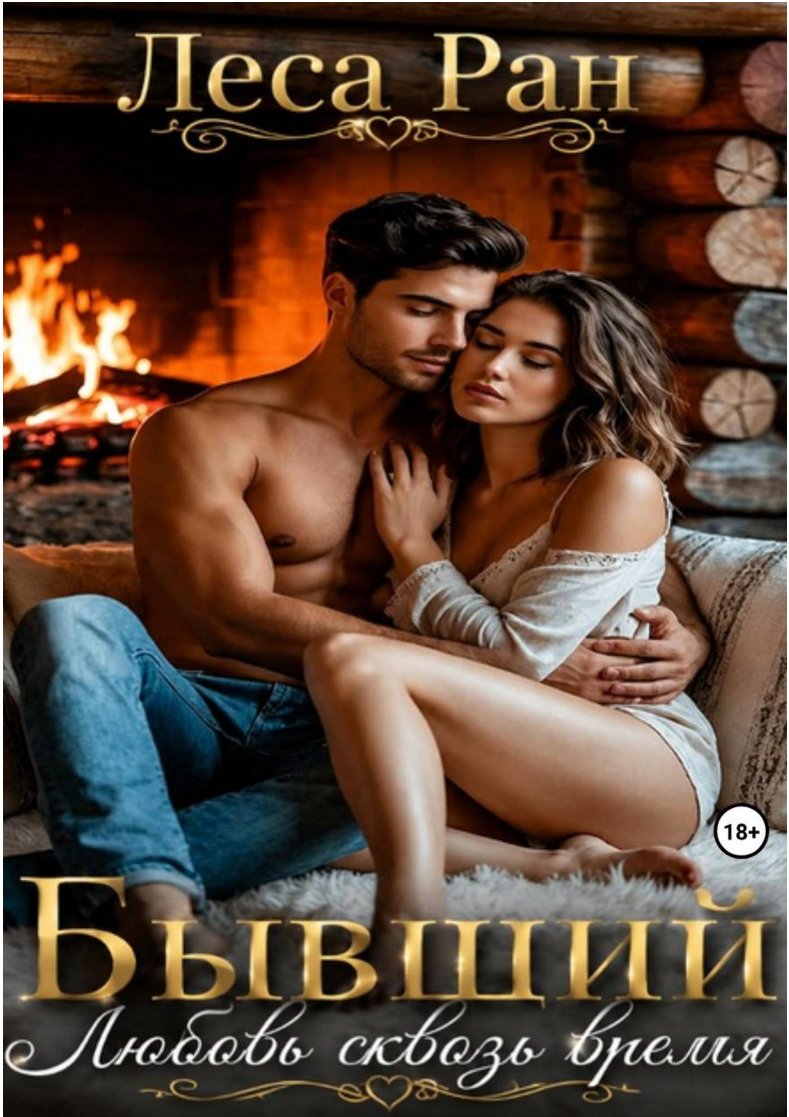
Леса Ран
18+
Бывший
Любовь сквозь время

Леса Ран

Бывший. Любовь сквозь время

https://litres.ru/74697814
SelfPub; 2026

Аннотация

Светлана возвращается в свою родную деревню после восьми лет жизни в городе, где она пыталась забыть свою первую любовь - Ивана. Но встретив его снова, она осознает, что чувства к нему не угасли. Они снова наслаждаются друг другом, но Светлана должна сделать сложный выбор: остаться с Иваном или вернуться в город и продолжить свою прежнюю жизнь.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 16
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Леса Ран
Бывший. Любовь сквозь время

Глава 1

Снег скрипел под колёсами автобуса, когда тот медленно въезжал на маленькую деревенскую остановку. Сквозь запотевшее стекло Светлана видела знакомые силуэты — покосившийся забор у старого клуба, тёмные ели, под которыми всегда тянулись тропинки, и тот самый фонарь у перекрёстка, что моргал ещё в её детстве.

Она поправила шарф, подтянула сумку на плечо и ступила на утоптанный снег. Воздух был густой, морозный, пах свежей древесиной и дымом из печных труб. Деревня встречала её так, как встречает только свои — тихо, без лишних слов, но с чем-то тёплым в сердце.

Улица была почти пустой. Лишь вдалеке виднелась фигура старика с санками и пара ребят, гоняющих мяч прямо по снегу. Дом, где она выросла, стоял на пригорке, и окна его сияли жёлтым светом — словно звали её скорее внутрь.

Дверь распахнулась ещё до того, как она успела постучать. На пороге стояла мама — в тёплом платке, с румянцем на щеках.

— Доченька! — голос её был полон радости, и Светлана,

забыв о холоде, нырнула в эти объятия.

Внутри пахло пирогами с капустой, сушёными травами и свежим хлебом. На столе уже стоял самовар, а на подоконнике дымилась миска с горячими варениками.

— Проходи, раздевайся, — мама суетилась, помогая снять пальто. — Всё у нас по-старому. Только вон Иван дом свой починил, крышу новую поставил. Часто теперь мимо ходит.

Светлана непроизвольно задержала дыхание. Иван… Имя, которое она не слышала много лет, но которое всё ещё отзывалось где-то глубоко внутри.

Она подошла к окну. Снег медленно кружился в свете одинокого фонаря, а где-то за огородами темнел силуэт знакомого дома. Ей вдруг показалось, что за окном промелькнула фигура в тёмном пальто, и сердце почему-то забилось чуть быстрее.

В дверь тихо постучали. Мама, вытирая руки о фартук, бросила через плечо:

— Открой, доченька, я в тесто руки запустила…

Светлана накинула на плечи вязаную шаль и подошла. Ко-

гда она повернула ключ, дверь чуть приоткрылась, и в проёме показался высокий мужчина в тёмном пальто, с пушистым слоем снега на плечах.

— Здравствуй, Светка, — его голос был низким, чуть хриплым от мороза. — Неужто правда ты?

Её будто на секунду прибило к полу. Перед ней стоял тот самый Иван: чуть старше, с коротко остриженными висками, глубокими морщинами у глаз, но всё с тем же знакомым прищуром. Из воротника пальто торчал шерстяной шарф, а в руках он держал узелок с чем-то, из которого тянулся сладковатый запах мёда и корицы.

— Иван… — Светлана выдохнула его имя, словно пробуя на вкус давно забытое слово. — Сколько же лет прошло…

— Семь, — он чуть улыбнулся. — Или восемь… я уж сбился. Ты совсем не изменилась.

— А ты… — она оглядела его с головы до ног, — стал серьёзнее.

— В деревне по-другому никак, — он пожал плечами и шагнул ближе, стряхивая снежинки с плеч. — Вот, принёс. Мёд свой, свежий, и пряники. Помню, ты их любила.

Она взяла узелок, почувствовав тепло его руки. На мгновение их пальцы задержались дольше, чем стоило бы.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Ты ведь всё ещё живёшь через дом?

— А куда я денусь? — он усмехнулся. — Дом починил, баню новую поставил. Могу как-нибудь показать.

— Может, и загляну, — Светлана отвела взгляд, но уголки губ предательски дрогнули.

В этот момент мама выглянула из кухни:
— Иван, заходи, чего на пороге мёрзнете!

— На минутку, — кивнул он, входя. Снег с его валенок тихо осыпался на половик.

Внутри он снял пальто, и Светлана заметила, что под ним тёплый свитер с узором, который он, кажется, носил ещё в их юности. Он оглядел кухню, кивнул маме, а потом снова посмотрел на Светлану.

— Ну что, Светка, расскажешь, как там, в городе? — спросил он, но в голосе было что-то такое, будто ему важнее

было просто видеть её, чем слушать рассказы.

Она улыбнулась, села за стол и, налив ему чаю, тихо ответила:

— Расскажу. Но, может, лучше потом… где-нибудь, где тише?

Иван прищурился, чуть кивнул, словно уловил в её словах то, что было сказано между строк.

— Договорились.

Иван поднял чашку с чаем, но не спешил пить — просто держал её в руках, глядя на Светлану поверх ободка.

Она почувствовала этот взгляд почти физически, как тёплый свет, от которого внутри стало неспокойно.

— Ты все та же, — тихо сказал он, слегка улыбнувшись. — Даже глаза такие же… только глубже стали.

— А у тебя… — она чуть наклонила голову, стараясь не встречаться с ним взглядом слишком долго, — улыбка осталась прежней. Только реже, кажется, улыбаешься.

— Тут, видишь ли, — он пожал плечами, — улыбаешься, когда есть для кого.

Он сказал это просто, но что-то в его интонации зацепило её.

Светлана чуть коснулась кружки ладонями, будто ища в тепле фарфора опору.

— А я думала, ты давно уже… — она замялась, — с кем-то. Семья, дети…

Иван отвёл взгляд на окно, где в жёлтом свете фонаря медленно падали крупные хлопья снега.

— Нет, — коротко ответил он. — Так и живу один. Да и… — он снова посмотрел на неё, — не всякую захочешь пустить в дом.

Мама, хлопочущая у плиты, как будто не замечала, что между ними натянулась невидимая нить.

Светлана почувствовала, как сердце бьётся чуть быстрее, чем должно.

— В городе, наверное, всё по-другому, — продолжил он. — Люди спешат, не смотрят друг другу в глаза.

— Да, — кивнула она. — Там всё… суета. Здесь — тише. И как-то чище дышится.

— Может, и тебе здесь лучше было бы, — он сказал это почти шёпотом, но так, что она услышала каждое слово.

Она подняла глаза, и их взгляды встретились. На секунду время будто замерло: за окном двигался снег, в кухне тихо потрескивала печь, но всё это стало фоном для одного — долгого, прямого взгляда, в котором было узнавание и лёгкая, тёплая боль воспоминаний.

— Помнишь… — начал он, — как мы зимой ходили на озеро? Лёд, луна, и ты всё время мерзла, а я…

— А ты грел мне руки, — закончила она, и в её голосе мелькнула тень улыбки. — Я помню.

Они оба тихо засмеялись, но смех быстро перешёл в молчание, в котором чувствовалось больше, чем в словах.

— Может… — он чуть наклонился вперёд, — завтра вечером пройдёмся? Как раньше.

Светлана опустила взгляд, но губы её дрогнули в полуулыбке.
— Может, и пройдёмся…

Иван допил чай, поставил чашку на стол, встал и, надевая

пальто, сказал:

— Тогда до завтра, Светка.

— До завтра, — тихо ответила она, провожая его до двери.

Когда он вышел и закрыл за собой дверь, она ещё долго стояла, глядя на тёмный силуэт уличного фонаря, пока он не растворился в снежной мгле.

Глава 2

Снег скрипел под ногами, воздух был прозрачно-холодным, и каждый выдох превращался в маленькое облако пара.

Светлана стояла у калитки, кутаясь в шарф, и глядела в сторону улицы, откуда он должен был появиться.

Тусклый оранжевый свет фонаря ронял на снег мягкие тени.

Вскоре из-за поворота показалась знакомая фигура — широкий силуэт в тёмном пальто, с меховой шапкой, чуть надвинутой на лоб.

Он шёл размеренно, но, завидев её, прибавил шаг.

— Привет, Светка! — голос Ивана прозвучал тепло, будто обнимая.

— Привет, Ваня, — ответила она, и в глазах её мелькнула та же улыбка, что когда-то в школьные годы. — Ты совсем не изменился.

— А ты изменилась. Стала… — он на секунду замялся, словно подбирая слово, — красивее.

Светлана смущённо отвела взгляд, рассматривая снежинки на варежках.

— Ты всё такой же — с языком острым.

— Да нет, это я просто честный, — усмехнулся он, подходя ближе. — Замёрзла?

— Немного. Но тут так тихо… и снег этот… прямо как в детстве.

Они двинулись вдоль улицы, и снег под их шагами хрустел в такт разговору.

Ветер тихо гнал по дороге лёгкую позёмку, дома выглядели сонными, окна — тёплыми и приглашающими.

— Помнишь, мы здесь в детстве катались на санках? — спросил Иван, показывая на небольшой склон возле старого забора.

— Конечно помню, — засмеялась она. — Ты всегда нарочно врезался в сугроб, чтобы меня «спасать».

— Ага. Хорошая была отговорка, чтобы подольше держать тебя за руку, — сказал он, и в голосе его прозвучала лёгкая, почти детская искренность.

Они замолчали на мгновение, слушая, как где-то вдалеке лает собака и потрескивают ветки.

Снег падал крупными хлопьями, садясь им на плечи и шапки.

— Знаешь, — начал он, — я не думал, что так обрадуюсь этой встрече.

Светлана повернула к нему лицо, и в её глазах было что-то мягкое, тёплое.

— А я думала, ты уже меня и не вспомнишь.

— Светка… — он чуть замедлил шаг, — я тебя каждый год вспоминал. Особенно зимой.

Она улыбнулась, но в этой улыбке было и что-то щемящее.

— Ты всегда умел так сказать, чтобы… — она не закончила фразу, лишь глубже закуталась в шарф.

Они шли дальше, и снег вокруг казался почти светящимся в свете фонарей.

В этот момент им обоим казалось, что город, шум, годы — всё это далеко, а здесь остались только они двое и этот тихий, бесконечный вечер.

Глава 3

Иван открыл дверь чуть шире и отступил в сторону, пропуская Светлану. С порога на неё дохнуло теплом и запахом дровяной печи, смешанным с тонким ароматом сушёных трав. Где-то в углу тихо постукивал крышкой старый медный самовар.

— Заходи, — тихо сказал он, вешая на гвоздь её шарф. — Замёрзла, небось. Чай горячий поставил… Или, если хочешь, могу налить вина — у меня бутылка домашнего, ещё с осени.

Светлана стянула перчатки, погладила ладонью подол старого пальто, будто стряхивая с него снег и годы.

— Чай… наверное, чай. Вино — потом, — улыбнулась она чуть виновато. — А то голова закружится, и я совсем забуду, зачем пришла.

— А зачем пришла? — Иван посмотрел прямо, но мягко, будто боялся спугнуть её слова.

Она опустила глаза, медленно прошла в комнату. На столе уже лежала глубокая миска с варениками, над которыми

ещё поднимался лёгкий пар. На подоконнике — два стакана в подстаканниках, ложечки блестели в свете лампы.

— Может, просто… соскучилась по тому, как мы сидели когда-то вот так, — она кивнула на самовар. — Помнишь? Зимой, когда метель, мы пили чай до полночи.

Иван тихо усмехнулся, подливая кипяток в заварочный чайник.

— Помню. И как ты спорила со мной, что вареники с вишней вкуснее, чем с картошкой.

— А я и сейчас так думаю, — она подняла на него глаза, и в них мелькнул тот самый свет, который он помнил двадцать лет.

Они замолчали. Слышно было только, как за окном хрустит снег под чьими-то шагами и как в самоваре тихо бурлит вода.

— Давай, садись, — Иван придвинул ей стул. — Я налью.

Светлана села, провела пальцами по краю кружки, будто грелась не только от чая, но и от чего-то большего.

— Знаешь, — сказала она тихо, — иногда кажется, что всё это… могло бы быть иначе.

— Могло бы, — ответил он, глядя на неё долгим взглядом. — Но у нас есть сейчас. И чай. И снег за окном.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было и тепло, и немного грусти, и что-то недосказанное.

Ветер за окном усилился, и снег теперь шуршал по подоконнику, будто кто-то невидимый пытался заглянуть внутрь. А здесь, в доме, было тихо и мягко от тепла печи. Лампа под абажуром отбрасывала на стены золотистые круги света, и всё вокруг казалось чуть нереальным — как сон, в который вернулись из далёкого прошлого.

Иван поставил перед Светланой блюдечко с варениками.
— Осторожно, горячие. Только из кастрюли.

— Запах… — Она вдохнула глубоко, почти с закрытыми глазами. — Как в детстве. У бабушки.

— У тебя всё с едой связано с воспоминаниями, — усмехнулся он, подливая чай. — А у меня — с людьми.

Она взяла ложку, но пока не притронулась.
— И что ты вспомнил сейчас?

— Как ты в восемнадцать лет приходила ко мне в мастерскую… В снегу по колено, в пальто, которое тебе было велико. И всегда с термосом чая.

Светлана улыбнулась, но чуть дрогнула.
— Мне тогда казалось, что я несу тебе что-то важнее чая.

Иван поднял взгляд от самовара, задержал его на её лице.
— Ты несла. Просто я был дурак и не понимал.

Помолчали. За окном хлопнула калитка, и где-то далеко залаяла собака. Дом будто стал ещё теплее, ещё тише.

— Знаешь… — Светлана положила ложку, подалась чуть вперёд. — Здесь так хорошо, что я боюсь выйти обратно на улицу. Там холодно. И пусто.

— Так и не выходи, — просто сказал он, и в голосе не было шутки. — Останься.

Она отвела взгляд, но в уголках губ мелькнула тень улыбки.
— Ты же понимаешь, что всё не так просто.

— Понимаю. Но иногда жизнь проще, чем мы себе выдумываем.

Он налил ей ещё чаю, так близко, что их руки почти коснулись. Она не отдёрнула свою, наоборот — чуть повернула ладонь, и их пальцы встретились.

— Иван… — тихо произнесла она, и в этом звуке было столько лет, прожитых порознь, и столько того, что не успели сказать.

Он сжал её руку чуть крепче.
— Свет, я рад, что ты пришла.

Тишина между ними уже не была неловкой — она стала мягкой, как шерстяной плед, в который можно завернуться.

За окном ветер стих, и в окно начал падать редкий, крупный снег. Каждая снежинка, подсвеченная уличным фонарём, медленно кружилась, будто время и правда замедлилось.

Светлана обхватила ладонями чашку, согревая руки.
— У тебя чай всегда вкуснее, чем у меня дома.

— Это потому, что я его делаю для кого-то, — ответил Иван, чуть прищурившись. — А не просто так.

Она улыбнулась, глядя в чашку, но взгляд то и дело возвращался к нему.

— Для кого-то… или для меня?

— Разве это не одно и то же? — сказал он тихо, и в уголках его губ мелькнула едва заметная улыбка.

Она чуть покачала головой, но её глаза блеснули.

— Ты всегда умел красиво говорить.

— А ты — слушать, — ответил он, и взгляд его задержался на её губах дольше, чем следовало.

Светлана медленно отпила чай, и пар от чашки на мгновение скрыл её лицо, но когда он рассеялся, её улыбка стала теплее.

— Осторожно, Иван… такие слова могут восприниматься как намёки.

— А если это не намёки, а прямое предложение? — он чуть подался вперёд, опершись локтями о стол.

Она прикусила губу, но не отвела взгляд.

— Тогда мне придётся подумать… и, возможно, согласиться.

В комнате стало как-то тесно от их молчаливого обмена взглядами. Лампа под абажуром отбрасывала мягкий свет на её волосы, и они казались тёплыми, почти медовыми. Он поймал себя на том, что хочет коснуться пряди, убрать её за ухо.

— У тебя на щеке снег, — сказал он, хотя знал, что это неправда.

— Правда? — она чуть склонила голову, делая вид, что поверила.

Он протянул руку, медленно, не спеша, и кончиками пальцев коснулся её кожи у скулы. Лёгкое касание, как проверка — можно ли? Она не отстранилась, и он почувствовал, как её дыхание стало чуть глубже.

— Уже нет, — тихо сказал он, но руку не опустил.

— Иван… — в её голосе было что-то между предупреждением и приглашением.

— Я скучал, — признался он, глядя прямо в её глаза.

Она чуть наклонилась вперёд, так, что их лица разделяло всего несколько сантиметров.

— И что ты хочешь с этим сделать?

— Исправить, — ответил он, и их улыбки теперь были одинаково опасными.

Она почувствовала тепло его ладони на своей щеке — оно было неожиданно мягким, почти обволакивающим. Пальцы Ивана задержались чуть дольше, чем позволяла условная вежливость, и Светлана уловила, как в груди у неё стало тяжелее дышать.

— Знаешь… — она чуть склонила голову к его руке, будто неосознанно, — …это очень странно.

— Что именно? — он говорил тихо, но в его голосе была та опасная нотка, от которой внутри всё сжималось.

— То, как быстро можно забыть… что мы были в ссоре, — её губы дрогнули в лёгкой полуулыбке.

— Может, мы просто притворялись, что в ссоре. — Его пальцы чуть скользнули по её щеке, к линии подбородка, и задержались там, как бы невзначай.

Она перевела взгляд на его глаза. В них было то самое притяжение, которое она когда-то боялась, но всегда искала.

— А если я сейчас перестану притворяться?

— Я только за, — сказал он и медленно опустил руку на стол, но так, чтобы кончики его пальцев едва касались её.

Тонкая искра от этого прикосновения пробежала по её коже. Она не отодвинула руку, наоборот — слегка повернула ладонь, позволяя их пальцам переплестись.

— Тёплые, — тихо сказала она.

— Это от тебя, — ответил он, и теперь уже он не прятал улыбку.

Светлана чуть наклонилась вперёд, локти на стол, подбородок на ладони.
— Ты всегда так… смотришь?

— Только на тебя.

Она сделала вид, что отводит взгляд, но через секунду снова встретилась с его глазами.
— Это опасно.

— И всё-таки ты не уходишь.

— Может, я не хочу.

Его палец медленно, почти лениво, провёл по тыльной стороне её руки. Она почувствовала, как этот жест разливается теплом до плеча.

— Ты знаешь, — сказала она, — что если продолжишь, я могу перестать думать.

— Я на это и рассчитываю, — он слегка подался вперёд, и теперь их лица разделяло меньше ладони.

Она уловила его дыхание — чуть тёплое, с лёгкой ноткой чая и чего-то ещё, родного. Сердце билось быстрее.

— Иван… — она произнесла его имя почти шёпотом.

— Мм? — он не отводил взгляда.

— Мне кажется… — она чуть улыбнулась, — …ты собираешься меня поцеловать.

— Ты против?

— Я думаю, ты уже знаешь ответ.

Он медленно поднял руку, снова коснулся её лица, и на этот раз она сама чуть повернулась к его ладони, прижимаясь щекой.

Её глаза на миг задержались на его губах, потом снова встретились с его взглядом. Внутри всё смешалось — лёгкая тревога, предвкушение и то странное чувство, когда слова становятся вторичными, а важнее то, — как они звучат.

— Ты всегда такой… — она замялась, подбирая слово. — Настоящий.

— Разве это плохо?

— Наоборот. Просто… — она чуть пожала плечами и опустила взгляд на их переплетённые пальцы. — Это пугает.

— Честность пугает?

— Когда она касается тебя — да.

Он тихо усмехнулся, но без насмешки, скорее с лёгкой грустью.

— Тогда я, видимо, опаснее, чем ты думала.

— Опаснее… и ближе, — она произнесла это почти неслышно, но он всё равно уловил.

Иван чуть подался вперёд, локтем опершись о стол, чтобы быть к ней ближе.

— Что ты сейчас чувствуешь?

Она задержала дыхание, на секунду закрыла глаза.

— Как будто между нами нет ничего лишнего. Ни стен, ни слов, ни… — Она снова посмотрела на него. — Только ты.

— А я чувствую, что если отпущу твою руку, мне будет холодно.

Она улыбнулась — тихо, тепло.

— Тогда не отпускай.

Он крепче сжал её пальцы, и в этом движении было больше, чем в любом обещании.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он медленно, — что мы уже перешли ту черту, за которой всё будет иначе?

— Я понимаю, — кивнула она. — И знаешь… мне уже всё равно.

Тишина между ними на секунду стала почти осязаемой. За окном кто-то прошёл по тротуару, послышался шум шин по мокрому асфальту, но здесь, в этом маленьком пространстве, мир будто сузился до двух человек.

Он провёл пальцем по её запястью, задержавшись на пульсе.

— Быстро.

— Что?

— Сердце у тебя.

Она чуть смутилась, но не отводила руки.

— А у тебя?

— Так же. Мы в этом синхронны.

Она тихо смеётся, и этот смех звучит как тихое признание.

— Мне нравится эта синхронность.

— Мне тоже.

Он наклонился чуть ближе, и теперь их разделяло меньше дыхания.

— Скажи… это то, чего ты хочешь?

Она посмотрела прямо в его глаза, без попытки уйти в сторону.

— Да.

— Тогда… — он замолчал, будто давая ей последний шанс отступить.

Она не отступила. Наоборот, чуть подалась навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.